

голову, что молодая дѣвушка уже опомнилась, но не смѣетъ этого показать изъ стыда, изъ чувства униженія и боязни разспросовъ.

Маркиза стояла въ эту минуту на колѣняхъ и плакала, уткнувшись головой въ кровать. Вдругъ она сказала:

— Надо бы доктора, скажите! вѣдь надо бы позвать доктора!

Но Сервиньи, шепнувшей что-то Савалю, сказалъ ей:

— Нѣтъ, все прошло. Потерпите минутку, только одну минутку, и я общаю вамъ, что она васъ подѣлуетъ, когда вы вернетесь.

И баронъ приподнялъ ее съ колѣнъ и увелъ.

Тогда Сервиньи, сѣвъ у кровати, взялъ руку Иветты и сказалъ:

— Мамзель Иветта, послушайте...

Она не отвѣчала. Ей было такъ хорошо, такъ покойно и тепло лежать, что хотѣлось бы никогда больше не двигаться, не говорить и остаться въ такомъ положеніи навсегда. Ее охватило такое чувство покоя и нѣги, какого она никогда еще не испытывала. Она лежала съ закрытыми глазами, все еще опьяненная дѣйствіемъ хлороформа, но уже не хотѣла больше умереть, а хотѣла жить, жить, быть счастливой, все равно какимъ образомъ, но быть любимой, да, любимой!

Сервиньи повторилъ:

— Мамзель Иветта, послушайте меня.

Она рѣшилась открыть глаза. Увидя, что она очнулась, онъ продолжалъ:

— Что-жъ это вы такое затѣяли? къ чему такія глупости?

Она прошептала:

— Мой бѣдный Мюскадъ, я была такъ несчастна.

Онъ отечески пожалъ ей руку:

— А много вы отъ этого выиграли бы? Ахъ, да! общайте мнѣ, что не повторите этого.

Она не отвѣчала, но слегка покачала головой и чуть-чуть улыбнулась.

Онъ вынулъ изъ кармана письмо, найденное на столѣ:

— Слѣдуетъ показать это вашей мамашѣ?

Она отрицательно качнула головой.

Онъ не зналъ больше, что сказать. Положеніе было безвыходное. Онъ пробормоталъ:

— Милое мое дитя, надо умѣть мириться съ самыми тяжкими вещами. Я вполне понимаю вашу горестъ и общаю вамъ...

Она пролепетала:

— Вы добрый...